

УДК 316.324.7; 316.334.56; 325.111

Виктор Сергеевич Мартьянов,
кандидат политических наук, доцент,
ученый секретарь
Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург.
E-mail: martianovy@gambler.ru

Руденко Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, директор
Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург.
E-mail: rudenkovn@yandex.ru

РОССИЙСКИЕ МЕГАПОЛИСЫ: ОТ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ К СТРАТЕГИИ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ¹

В статье в мировом контексте рассмотрены особенности и результаты советской и российской урбанизации. Проведен анализ различных вероятных направлений постсоветской трансформации российских мегаполисов. Особое внимание уделяется современному состоянию моногородов и индустриальных мегаполисов. Аргументируется перспективность стратегии сращивания мегаполисов с прилегающими городами-спутниками. Авторы доказывают, что эффективная диверсификация ресурсов индустриальных мегаполисов и исправление пороков советских городов-заводов связана с их преобразованием в многофункциональные агломерации. Периферия подобных агломераций способна стать областью ускоренного развития, способствующей выравниванию качества жизни и функциональных дисбалансов центра и окраин, созданию дополняющих производств, деконцентрации инфраструктуры и перенаправлению ресурсных потоков на развитие деградировавшей периферии российских мегаполисов. В результате сеть российских агломераций способна превратиться в географически растянутый центр, стимулирующий общее развитие и модернизацию российских регионов и привлекающий ресурсные потоки глобального мира.

Ключевые слова: мегаполис, моногорода, урбанизация, агломерация, диверсификация, деконцентрация, сети городов, стратегия городского развития.

Пределы советской модели индустриальной урбанизации. Если в начале XX в. доля городского населения в России составляла 10%, то в начале XXI в. она увеличилась до 73,1%, а к 2050 г. по реалистическим прогнозам возрастет до 82,6% [24]. Урбанистический переход деревня-город в РСФСР был совершен еще в начале 1960-х гг., когда городское население

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 11-13-66013 а/У.

Заключение статьи подготовлено при поддержке проекта фундаментальных исследований ИФиП УрО РАН № 12-Т-6-1002 «Эволюция социально-политических и правовых регуляторов современного общества», выполняемого по программе научных исследований Отделения общественных наук РАН.

начало численно преобладать над сельским. В мировом масштабе подобный переход состоялся лишь в 2009 г. В России, согласно данным Росстата, на начало 2010 г. насчитывалось 1099 городов, из них 11 миллионников, 24 города с населением свыше полумиллиона и 129 городов-стотысячников.

В 2009 г. среднегодовая постоянная численность городского населения составила 103,7 млн человек, или 73% от общего населения страны. В 11 городах-миллионниках России на начало 2009 г. проживало 25,7 млн человек, в 24 российских городах с населением от 0,5 до 1 млн – 15,4 млн человек, в 38 городах с числом жителей от 0,25 до 0,5 млн – 12,9 млн человек. Таким образом, в 73 крупнейших городах России с численностью жителей свыше 0,25 млн человек проживает 53 млн человек, что составляет 51,1% городского населения или 37,3% от общего населения России [22]. При этом до 70% российского городского населения живет в 170 крупнейших городах страны. Особенности советского экономического планирования привели к тому, что около 350 российских городов могут считаться моногородами, что делает их уязвимыми в современной открытой экономике. При этом в монопрофильных городах производится до 35% российского ВВП.

В Уральском федеральном округе (УрФО) в силу неблагоприятных условий для сельского хозяйства и искусственно взвинченной численности городов-заводов эти цифры еще выше. Городское население составляет 9,8 млн человек, или почти 80% от общего числа проживающих. Из 115 городов в УрФО насчитывается 2 миллионника (Екатеринбург и Челябинск), 1 полумиллионник (Тюмень), и 13 стотысячников (Магнитогорск, Нижний Тагил, Курган, Сургут, Нижневартовск, Златоуст, Каменск-Уральский, Миасс, Копейск, Первоуральск, Новый Уренгой, Нефтеюганск, Ноябрьск). В 16 городах УрФО с населением более 100 тысяч проживает 63% городского населения, или 48% от общей численности населения региона. УрФО лидирует и по количеству населения, проживающего в моногородах, которое составляет 32,9% от общей численности населения и 61,7% от числа городского населения [1, с. 9].

Большая часть крупных российских городов была создана в рамках советской модели сформированной индустриализации. В советское время главным критерием урбанизации стала создаваемая в городах производительная мощь. Урбанизация была низведена к индустриализации. Однако, как выяснилось позднее, сам по себе рост населения в городах не стал фактором превращения его жителей в горожан и успешного развития самого города. Индустриальное развитие городов намного опередило развитие культуры проживания в городах, что обернулось деградацией городской среды, ее маргинализацией при необходимости смены модели городского развития, диктуемой глобальным контекстом. Советские индустриальные города во многом оказались заложниками модели форсированной индустриализации под угрозой внешних вызовов, не имевшей долгосрочных горизонтов планирования. Парадокс советской модернизации заключался и в том, что «страна урбанизовалась, но сами города «рурали-

зировались».., в этом заключалась одна из характерных черт дивергентного с Западом городского развития» [6, с. 100]. Стоит отметить, что граница города и деревни лежит не просто в географическом, территориальном пространстве: «Европейский город изначально был носителем определенных прав своих жителей – городское право противопоставлялось деревенскому бесправию, город пользовался политической, правовой, экономической автономией по отношению к окружавшему его негороду» [6, с. 105]. В СССР «право на город» было подменено паллиативами. Права городских жителей были замещены привилегиями, такими как институт прописки, означавшем доступ к бесплатному жилью, лучшему образованию и здравоохранению, а свободное владение паспортом обеспечивало мобильность внутри страны. Колхозникам подобное право всячески ограничивали, что укладывалось в общую логику развития городов как промышленных центров страны за счет эксплуатации ее сельской периферии.

Развитие российских мегаполисов во многом шло стихийно и ситуативно. Советская модель форсированной урбанизации, где основой развития городов стали производственные и политические задачи страны, а не потенциальные возможности и потребности человека, привела к развитию моноцентричных и узкоспециализированных городов-заводов фордистского типа. Фактически это были заводы и фабрики, увеличенные до размера городов. В подобных городах не смогла развиваться многообразная инфраструктура, являющаяся источником автономного развития мегаполиса. В результате глобализации рынков и открытия миру советской экономики многие градообразующие производства стали нерентабельными. Советские индустриальные города оказались лишены механизмов диверсификации сфер деятельности горожан, альтернативных вариантов развития имеющегося рынка труда. Проблемы структурной безработицы в моногородах в постсоветский период так и не были решены системно, а рентабельность градообразующих предприятий часто поддерживалась с помощью бюджетных дотаций. В частности, в Челябинской области в моногородах количество безработных в 2009 г. составляло 27,7% от общего их числа. Снижается и численность экономически активного населения моногородов [19, с. 176-179]. Молодое поколение решает проблемы занятости с помощью трудовой миграции в соседние города и регионы, старшее поколение – с помощью сезонной миграции в сельскую местность. Высвобождение множества лишних рабочих рук стало причиной массовой маргинализации и люмпенизации все еще полугородского населения: «В 1989 году, когда доля городского населения СССР составляла 66%, среди жителей страны старше 60 лет коренных горожан было не более 5-17%, среди 40-летних примерно 40% и только среди 22-летних и более молодых – свыше половины. Таким образом, и к моменту распада СССР советское общество не стало по преимуществу городским» [17, с. 107].

Еще одним важным общемировым процессом, определяющим негативное будущее индустриальных мегаполисов, стала технологическая революция, ведущая к тотальному сокращению рабочего класса. В мире, и в

наибольшей степени в странах форсированной модели модернизации, возникла критическая масса лишней рабочей силы, не обеспеченной местами в новой глобальной экономической структуре: «До 1980-х или 1990-х механизация в основном замещала физический труд. Сейчас, на новом витке развития технологий, мы имеем замещение административного персонала, уменьшение среднего класса. Информационные технологии, а это – суть технологии коммуникации, запустили вторую великую эру сокращения объемов работы, замещение коммуникативного труда – именно того, чем занимаются работники среднего класса. Механизации теперь сопутствуют роботизация и электроницизация – уродливый и неловкий термин в наш словарь скверных терминов для обозначения неоднозначных социальных процессов, определяющих наше будущее в долгосрочном периоде» [11, с. 197].

Фордистская механизация производства привела к сокращению рабочего класса, однако лишняя рабочая сила в странах центра миросистемы довольно эффективно перенаправлялась в неплохо оплачиваемую сферу обслуживания и коммуникаций. Это на определенный период времени позволило капитализму избежать социальных потрясений, предсказанных К. Марксом. В настоящее время постфордистская волна прогресса связана уже не с индустриальной революцией, а с электронизацией (электронное правительство, Интернет), предполагающей сокращение посредников между гражданами и необходимыми им товарами и услугами. В результате рост компетенции населения, тотальный и дешевый доступ к электронным технологиям самообслуживания начинают сокращать рынок труда не только для рабочих, но и для среднего класса и чиновников. Более того, очередной технологический сдвиг не создает на горизонте будущего массовых трудовых ниш, которые могли бы удовлетворить растущий класс безработных в городах, уже привыкших к высоким стандартам потребления и социального обслуживания.

В результате от растущей безработицы страдают в первую очередь молодые поколения с высоким уровнем образования, квалификации и соответствующими требованиями к рынку труда. Например, в России в мае 2012 г. «коэффициент превышения уровня безработицы среди молодежи ... 15-24 лет по сравнению с уровнем безработицы взрослого населения в возрасте 30-49 лет составляет 3,1 раза, в том числе среди городского населения 3,6 раза, среди сельского – 2,2 раза» [7]. Еще хуже ситуация в «вынужденно постиндустриальном» мире с высокой структурной безработицей. Большинство выпускников вузов Европы не могут сразу получить постоянное рабочее место. Например, в Испании и Греции, согласно статистике, на конец 2011 г. не имеет официальной работы половина молодежи до 25 лет, в Италии, Ирландии, Португалии, Словакии более 30%. В среднем в странах Евро-27 молодежная безработица составляет 22,1%, общая безработица 9,1% [23].

В то же время государству все сложнее создавать дорогостоящие рабочие места, которые стоят налогоплательщикам больше, чем даже высокие европейские пособия по безработице. При этом требование глобаль-

ной конкурентоспособности в «плоском мире», постоянная игра на понижение издержек оставляет развитому миру лишь шансы в области монополизации заповедников высоких технологий, которые не могут сделать погоды на массовом рынке труда. Более того, области национальной экономики связанные с монополией на интеллектуальную собственность, как показывает практика, не могут быть обеспечены в глобальном масштабе. Согласно подсчетам специалистов «американские инновационные компании за последние 10 лет получили в качестве прибыли всего ... 2,2% от созданной на основе использования их изобретений прибавочной стоимости. В глобализированном мире, в котором доминирует свободная и ничем не ограниченная конкуренция, производство технологий становится своего рода производством общественных благ. Задача благородная и возвышенная, но экономически далеко не всегда оправданная» [9, с. 91-92].

На подобном контрастном фоне становится очевидным, что городская среда крупных городов России тем более не обладает экономической и культурной эффективностью самовоспроизводства, будучи продуктом ложной, искусственной, незавершенной, традиционалистской модернизации. При этом уральские мегаполисы по своим природно-климатическим условиям не могут предоставить своим жителям компенсирующих возможностей для эффективного оттока людей в сельскую местность (процессы рурализации и сезонной миграции). После распада советской системы в 1990-е гг. спад производства не был обеспечен маятниковой миграцией на сельскую периферию уральских городов для товарного производства. Отсюда рост безработицы населения в городах, которое выезжает на собственные дачи лишь для ведения натурального хозяйства. В результате «растет криминогенность и апатия на фоне резкого, ничем не компенсируемого снижения уровня жизни» [3, с. 143].

Очевидно, что промышленным моногородам России необходим отказ от наследия советской псевдоурбанизации, когда низкоквалифицированная и малооплачиваемая трудовая армия крестьян механически концентрируется при городе-заводе. Подобная модель эффективна в условиях авторитарного, закрытого государства, контролирующего трудовые ресурсы и распределяющего продукты труда в условиях приоритета государственных задач над частными целями ее граждан. Конкурентоспособность современных глобальных городов определяется не только плюрализмом их стратегий развития во всех доступных сегментах, но и прежде всего эффективностью городской среды, ее способностью к динамическим изменениям. Это концепция открытого города, который горожане развивают совместно и самостоятельно, все с меньшей оглядкой на помощь региональных и государственных структур управления. Для этого население должно обладать гражданской городской культурой, формируемой поколениями, так как историческое рождение гражданина в качестве автономного субъекта возможно только в городе [20, с. 112-113].

Модернизация как сверхцентрализация производства в условиях закрытой экономики советского государства исчерпала себя. В глобальном

мире наиболее успешные стратегии развития демонстрирует диверсификация ресурсов городского развития в виде сетей городов. В России в настоящее время наблюдается явный дисбаланс слишком разбросанной и полной лакун сети мегаполисов при дефиците средних и малых городов. Кроме того, падают объемы внутренней миграции населения как из сельской местности и малых городов в крупные города (стотысячники и миллионники) вследствие исчерпания демографического потенциала деревни, так и без того невысокие в сравнении с Европой потоки межрегиональной миграции населения внутри страны. Например, Дальний Восток и Сибирь потеряли в постсоветский период около 2 млн человек только в результате миграции населения на запад страны. При этом «среди безработных и лиц, ищущих работу при содействии органов занятости, только 11-13% опрошенных готовы были искать работу за пределами своего региона, а четко выраженные намерения к переезду в другой регион имели 4% опрошенных. Даже при предоставлении высокооплачиваемой работы и жилья доля желающих переехать за работой не поднималась выше 24%» [15]. В результате «ни гендерная принадлежность, ни состав семьи, ни уровень образования и другие факторы, значимые для иных политических систем, не вносят столь существенного вклада в формирование общества неравенства в России, как его пространственная организация» [16, с. 36-37].

От индустриальных городов – к диверсифицированной агломерации. В целом индустриальные города Большого Урала обладают неплохим человеческим капиталом и рынком квалифицированного труда. Их основные проблемы – удаленность от мировых транспортных магистралей и нехватка инвестиций. Если посмотреть на статистику и структуру иностранных инвестиций, то можно заметить, что там капитал вкладывается в отрасли, конкурентоспособные на глобальном рынке. Это ресурсодобывающая и перерабатывающая отрасли, которые не требуют большого числа рабочих рук. В то же время конкурентность в отраслях высокого передела, связанных с производством продукции со значительной добавочной стоимостью требует капитальных вложений в обновление производственных фондов или постройку новых предприятий.

Старые заводы-гиганты в индустриальных мегаполисах значительно потеснены созданным в них рынком торговли и услуг, когда город позиционируется для окружающей периферии и ближайших регионов как место вложений в недвижимость, совершения значимых покупок и развлечений. Подобная модель города-торгового центра является столь же однобокой и тактической, как и у города-завода. Поскольку все более интенсивное насыщение периферии товарами и услугами размывает монополию мегаполисов, это приводит к стагнации общего уровня товарооборота и прибылей, так как рынок торговли может опираться только на платежеспособный спрос. Соответственно стратегическим решением для развития индустриальных мегаполисов является диверсификация и расширение рынка труда за счет отраслей, позволяющих сохранить и развить достигнутые уровни потребления. Очевидно, что это будут не огромные, неэф-

фективные производства фордовского типа, а прежде всего малые и средние предприятия широкого спектра производства и услуг.

Поэтому привычная внутренняя конкуренция между ближайшими крупными индустриальными городами за привлечение ресурсных потоков становится бессмысленной и малоэффективной. Задача лоббирования средств из федерального центра также становится лишь одним из возможных средств привлечений капитала, причем все менее важным для недотационных регионов. Несмотря на популярные работы, ориентированные на эффект локального развития – концепции креативного города, креативного класса и символического брендинга малых территорий [13; 21] все очевидней уже то, что в глобальной экономике конкуренция отдельных компаний и регионов на внутреннем национальном рынке становится второстепенной. Это конкуренция вписана в глобальные движения технологий, капитала и трудовых ресурсов. Например, если США сохраняет монополию на программные продукты, то город Остин (Техас) еще может переманить за счет дешевизны жилья креативный класс (специалистов в области IT) из Сан-Франциско и «Силиконовой долины» (Калифорния). Но не спасется ни тот, ни другой, если США потеряет глобальную монополию в данном сегменте рынка, и тот же программный продукт будет создаваться вдвое дешевле в совсем «не креативных» городах Индии или России.

Таким образом, роль культурной среды, связанная с наличием в «продвинутых» городах развитой богемы, индикатором которой являются сообщества гомосексуалистов и общая атмосфера толерантности (индикаторы Р. Флориды) представляются переоцененными в сравнении с институциональными, долговременными факторами привлекательности крупных городов – дешевая рабочая сила, массовый платежеспособный спрос, развитые коммуникации и логистика, безопасность, система эффективного управления городским хозяйством, гарантии исполнения правовых обязательств и т.д.

В результате у всех российских агломераций появляется неизбежная задача выхода на глобальный рынок и привлечения не только региональных и национальных, но и внешних инвестиций. В противном случае мегаполисы стагнируют и становятся местом все более высоких издержек, их экономическое развитие затормаживается, что приводит к эффекту «разрядки»: капитал устремляется из все более дорогих мегаполисов (земля, стоимость труда, бюрократизация) на освоение периферийных территорий. Например, если в 2011 г. темпы ввода жилья в Екатеринбурге составляли 0,76 кв.м на человека, то в его крупнейшем пригороде – Верхней Пышме – 1,5 кв.м, то есть в два раза выше. Подобный вариант опережающего роста периферии некоторые исследователи уже сегодня предостерегают Москве, чей перенасыщенный рынок труда увеличился в постсоветский период в 1,5 раза, в то время как в остальных регионах он медленно стагнировал, показывая отрицательную динамику [5, с. 22-25]. Результатом будущего возможного оттока рабочей силы из мегаполисов может стать сглаживание дис-

пропорций социально-экономического пространства в России. Подобная модель открывает возможности для привлечения капитала и развития нестоличных агломераций, имеющих конкурентные резервы роста в сравнении с Москвой.

В подобной ситуации основной задачей государства в развитии мегаполисов являются долгосрочные капиталовложения, ориентированные на развитие инфраструктуры и транспортно-логистических сетей (железные и автомобильные дороги, вокзалы, аэропорты, тепло- и электросети). Отдельно следует выделить развитие метро, являющееся основным средством передвижения в крупнейших городах. Эти вложения несмотря на то, что они окупаются десятилетиями, оказывают значимый эффект мультипликаторов развития мегаполисов. В частности, согласно подсчетам экономистов, каждые лишние 10 минут, затрачиваемые на дорогу до работы, снижают производительность труда на 3-4% [4, с. 39].

Федеральный центр на уровне политической риторики принимает подобную стратегию. В частности в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года» [12] российское правительство заявило о своей нацеленности на поддержку инфраструктурных проектов Большого Урала, связанных с развитием транспортных коридоров Урал-Поволжье-Центр и Урал-портовые регионы. В концепции предполагается, что Большой Урал к 2020 г. может стать крупным звеном в коридоре мировой торговли Западная Европа – Юго-Восточная Азия – Америка, что требует развития мощного авиахаба в Екатеринбурге. Отчасти подобное развитие уже происходит. Например, вслед за введением в действие нового международного терминала аэропорта «Кольцово» (Екатеринбург) здесь начато строительство крупного внутрироссийского авиаузла.

Расширение и диверсификация индустриальных городов решает не только экономические, но и социальные проблемы. В постсоветский период промышленные города переживают процессы радикального классово-географического расслоения, когда центры городов аккумулируют большую часть материальных ресурсов и символического капитала, в то время как периферия маргинализируется и ветшает, становясь прибежищем социально неблагополучных и криминальных слоев населения, провоцируя создание депрессивной городской среды, нуждающейся в постоянных дотациях. Эффект классового расслоения не позволяет скорректировать советские модели городов-заводов с помощью создания на периферии города-пояса современной малоэтажной застройки, способного привлечь платежеспособное население и дать толчок к развитию городских окраин. Обеспеченные слои населения предпочитают создавать закрытые поселки за городом, своего рода гетто наоборот, расположенные вдалеке от городских окраин. Это не создает модернизационного эффекта для периферии мегаполиса.

Более успешным представляется другой путь – стратегия общей деконцентрации ресурсных потоков в центре мегаполиса. Такой подход поз-

волит избежать возникновения перенаселенности, негативного психологического настроения населения и транспортно-коммуникационного коллапса в центре города. Одновременно будут исчезать причины деградации городских окраин, усиливаемые созданием на их территории разнообразных мигрантских гетто. Стратегическими точками роста промышленных агломераций могут стать именно окраины и города-спутники, оттягивающие на себя потоки мигрантов и капиталов центрального города-метрополии. Такой путь обеспечит диверсификацию ресурсов, экспансию городского пространства, разуплотнение городской среды путем ее географического расширения на прилегающие малые города. Подобная модель вполне вписывается в мировые тренды роста самозанятости в экономике, расширения сферы услуг. Развитие телекоммуникационных технологий и Интернета в настоящее время позволяют индивидуальным предпринимателям и сотрудникам небольших предприятий обеспечить создание значительной части требуемого продукта даже не выходя из офиса. Совершенствование скоростных железнодорожных магистралей решает ту же проблему и для сотрудников, чье присутствие на рабочем месте бывает обязательно. Создание вокруг индустриальных городов буферной зоны суб-урбанизации превращает ее в источник дальнейшего развития городов при достижении неизбежного перенасыщения мегаполисов инвестициями, удовлетворения имеющегося спроса и рынков сбыта. Расширение освоенного пространства позволяет своевременно перенаправить инвестиционные потоки на периферию городских агломераций с более дешевой землей, рабочей силой и менее удовлетворенным спросом населения на товары и услуги. Возникают дополняющие мегаполис пространства для роста производства и рынков сбыта, при этом снижаются логистические издержки.

Данную стратегию развития осложняет демографическая исчерпанность российской деревни в пользу города. В условиях низкой рождаемости все больше на динамику численности мегаполисов влияет приток населения из малых городов в крупные, а также плохо контролируемая нелегальная трудовая миграция из-за рубежа. В результате наблюдается явная диспропорция городского развития, когда большие мегаполисы превращаются в черные дыры, которые безвозвратно всасывают население и ресурсы, лишая возможностей для развития окружающую их периферию. Поэтому создание больших агломераций позволяет выровнять социально-экономическое развитие мегаполиса и периферии, вовлечь в экономику большого города незадействованные внутренние ресурсы.

Агломерации развиваются, конкурируя и одновременно укрепляя свои региональные и глобальные взаимосвязи с другими мегаполисами. В пределах наций-государств мегаполисы, формально относящиеся к муниципальному уровню власти, становятся политическими и экономическими центрами активности, их значимость все сильнее выходит за рамки отдельных регионов. В результате ограничение мегаполисов только вертикалью власти территориальных государств оказывается анахронизмом, а расширение самоуправления городов может способствовать развитию го-

горизонтальных городских, межрегиональных и транснациональных связей. Реальная практика бюджетного федерализма способна стимулировать возможности крупных городов самим увеличивать свою налогооблагаемую базу, которая останется в их распоряжении, а не будет изъята и перераспределена федеральным центром в пользу выравнивания слабых и отстающих. То же утверждение справедливо и для увеличения самостоятельности и самоуправления крупных агломераций. В данном контексте стратегию их функционирования невозможно отделить от общих целей развития крупных макрорегионов, центрами которых они являются.

В частности, в Концепции-2020 отмечается, что экономическим преимуществом макрорегиона Большого Урала является диверсификация региональной экономики, разнообразие промышленной структуры. Еще один плюс – высокая доля отраслей, производящих продукцию на экспорт, имеющая собственные сырьевые ресурсы. Это черная и цветная металлургия в Челябинской и Свердловской областях, газовая промышленность и металлургия в Оренбургской области, нефтедобыча и нефтехимия в Башкортостане, нефтедобыча и производство минеральных удобрений в Пермском крае. Благодаря интеграции в мировую торговлю темпы роста экономики Большого Урала оцениваются позитивно несмотря на удаленность от дешевых морских и речных транспортных коридоров.

С другой стороны, в военно-промышленном и обрабатывающем комплексе, занимающих значительное место в экономике макрорегиона, постсоветский спад так и не был преодолен. Между тем рост любых добывающих производств формирует растущие потребности и в продукции машиностроения, которая может стать главным направлением усилий по замещению импорта. Подъем машиностроения, в свою очередь, позволит создавать в уральском регионе собственный замкнутый цикл производства с более высокой добавленной стоимостью. Тогда предметом экспорта станут не нефть, а бензин; не лес, а бумага и мебель; не металл, а конечные изделия, станки и т.д. Фактически речь идет о достраивании производственных цепочек до полного индустриального цикла, который существовал в советский период, возникновении эффекта мультипликатора, создающего новые рабочие места. В данном контексте сырьевая структура экономики служит тупиком, поскольку не требует большого количества рабочих рук, провоцируя рост безработицы, сокращение внутреннего рынка и уменьшение совокупного спроса населения.

Вместе с тем ориентация политики федерального центра на создание условий «для направления частных инвестиций в постиндустриальную экономику крупнейших городских агломераций, в сектор услуг (образование, торговля, рекреация)» [12] является бесперспективной. И дело здесь не в формальных показателях постиндустриального состояния российских мегаполисов. Количество вузов и студентов в российских мегаполисах, размеры торговых площадей и экспансия компьютерной, коммуникационной, информационной индустрии и так растут невероятными темпами, не нуждаясь в поддержке государства. Обеспеченность населения собствен-

ным автотранспортом, Интернетом, компьютерами, сотовой телефонией соизмеримо с аналогичным уровнем передовых стран. Только все это не делает Россию лидером «инноваций» мирового уровня: качество образования остается низким, высокотехнологичные товары производятся за пределами страны, а крупный российский бизнес не проявляет стремления вкладывать средства в дорогостоящие и долгосрочные научные исследования. *Активное пользование высокотехнологичными товарами еще не означает постиндустриального состояния общества и его экономики* [14]. На рынке высоких технологий Россия становится все ближе к странам периферии, не выдерживая глобальной конкуренции, превращаясь в потребителя, а не производителя и продавца мировых ноу-хау. Однако подобное положение дел не является поводом для пессимизма, поскольку постиндустриальные сегменты мировой экономики в целом весьма малы и не являются прерогативой массового рынка труда.

Более важной представляется общая задача диверсификации и неоиндустриализации российской экономики, все более зависимой от глобальных колебаний мировых цен на ресурсы. Именно российские мегаполисы являются локомотивами такой диверсификации в качестве своего рода ворот для привлечения глобальных инвестиций в реальное производство товаров индустриальной экономики. Мировая статистика свидетельствует, что наиболее высокие темпы роста и экономическую устойчивость к различным кризисам в глобальном мире демонстрируют страны с преимущественно индустриальной структурой экономики (Китай, Индия, Бразилия, Южная Корея, страны Восточной Европы), а вовсе не государства, создающие во многом вынужденную постиндустриальность (США, Великобритания, Ирландия, Испания).

Заключение. Советские мегаполисы создавались как цепочки связанных производств при железной дороге в системе закрытой плановой экономики. Другие направления их развития игнорировались. В настоящее время стратегия трансформации городов-миллионников в многофункциональные агломерации связана с созданием интегральных рынков труда, товаров, недвижимости, земли, выходящих за пределы мегаполисов. Подобный выравнивающий тип развития в перспективе сокращает неэффективную логистику и маятниковую миграцию рабочей силы между мегаполисом и его периферией, перегружающей транспортные артерии мегаполиса и сковывающей развитие городов спутников, в которых значительная часть населения работает в мегаполисе. А деконцентрация ресурсов и создание дополняющих производств за пределами мегаполиса усиливает кумулятивный эффект расширения.

Согласно мировым закономерностям городского развития, российские индустриальные города-миллионники испытывают явный дефицит населения, помочь преодолеть который не могут ни меры по усилению демографического прироста, ни межрегиональная и межстрановая миграция. Поэтому оптимальным выходом является создание сети из 10-15 агломераций численностью 2-5 млн человек, которые могли бы стать клю-

чевыми элементами пространственного развития российской экономики. Вместе с Москвой и Санкт-Петербургом они образуют географически растянутый центр, который способен организовывать и модернизировать окружающую периферию, постепенно приближаясь к мировым нормам и стандартам. Достигается это не путем вертикальных административных решений, а с помощью инфраструктурного стимулирования горизонтальных связей, когда процессы объединения движимы новыми возможностями для населения и перспективами для бизнеса [8]. В противном случае положительный кумулятивный эффект для пространственного развития агломераций достигнут не будет, превратившись в очередные бумажно-бюрократические инновации.

Исследователи даже предлагают радикально футуристический проект линейного мегагорода России, растянувшегося вдоль Транссибирской магистрали: «Линейный город... будет состоять не только из структуры “восток-запад”, но и из семи поперечных структур. Получится мощный скелет России. Собирающий и стягивающий ее бандаж... Продольная ось базируется на Транссибирской магистрали, поперечные также нанизаны на конкретные города и трассы... Ширина линейной структуры – 10-15 км. Состоять она будет из нескольких слоев. В центре расположится техническая зона, где будут основные энергетические и транспортные артерии, промышленность. Дальше – зона интенсивного освоения природы и место жизни человека. Потом – щадящая природу зона, с полями и угодьями, а далее – зона нетронутой природы. Конечно, это только схема, слои будут пересекаться и переплетаться в сложнейшие узлы» [2, с. 53-61].

Не менее важным направлением развития представляется стимулирование современных средств и механизмов прямой и делиберативной демократии в крупных агломерациях, привлечение активных групп граждан для участия в повседневных вопросах управления, разработке и реализации различных аспектов стратегии развития мегаполиса (сходы граждан, общественные советы и слушания, референдумы, институты медиации, институты гражданских инициатив, создание электронного правительства и др.) [18, с. 7-16]. Соучастие заинтересованных групп граждан и бизнеса в развитии города снижает общий уровень социального напряжения, дает возможность в конструктивных формах выразить более многомерное видение вариантов развития, а также разрешать конфликтные ситуации, заручившись общественной поддержкой. Подобное самоуправление невозможно без создания эффективной гуманитарной среды агломераций, формирующей общую идентичность, идеологию и ценности городского сообщества, постоянно продуцирующей уникальные проекты и идеи в контексте глобального мира [10]. Долгосрочные интересы городского населения должны превалировать над сиюминутными прибылями корпораций, когда, например, точечная застройка в центре города порождает множество нерешаемых проблем для города в целом. Добиться этого можно лишь с помощью широкого вовлечения жителей в механизмы самоуправления.

Все более целесообразным и оправданным представляется увеличение экономической самостоятельности и повышение политического статуса крупных агломераций. Это может быть, например, выделение российских городов-миллионников в качестве будущих агломераций в особый уровень управления, расширение его полномочий и ресурсной базы при освобождении от лишнего звена – региональных лидеров. Агломерации нуждаются в большей свободе в области налоговой политики, что позволит более эффективно и быстро решать текущие проблемы жизнеобеспечения населения, не вступая в непростое взаимодействие с региональными и федеральными властями в качестве лоббиста или просителя. К тому же агломерации можно рассматривать как более эффективных получателей прямых федеральных субсидий, чем субъекты РФ.

Наконец, мировые тенденции демонстрируют растущую роль как привлекаемого, так и создаваемого в самом городе человеческого капитала для всестороннего развития мегаполисов. Фоновыми факторами формирования и привлечения человеческого капитала являются учреждения, производящие культуру и знание – вузы, НИИ, театры, музеи, библиотеки, детские дома творчества и т.д. Важнейшую роль в привлечении новых людей играет формирование безопасной и комфортной среды, которая позиционирует город как постоянное место проживания вместо его восприятия в качестве временного, транзитного. Все большие запросы предъявляются к экологии городского пространства, что обуславливает альтернативность стратегии вывода устаревших промышленных производств за черту города и создание на их месте культурно-рекреационных зон и транспортных развязок, снижение излишней плотности населения до приемлемого уровня.

Представляется, что подобные меры остановят тенденции деградации России к одному городу-государству и создадут сеть конкурентоспособных агломераций, способных выровнять более критические территориальные дисбалансы развития и беспрецедентную историческую неодновременность российских регионов, когда Москва и Санкт-Петербург существует в постиндустриальном мире, крупные города – в мире индустриальном, а остальная часть России, составляющая большинство населения, деградирует по своему потенциалу к периферии миросистемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамова Е.А., Ильченко А.Н.* Основные проблемы и тенденции социально-экономического развития моногородов России // *Современные наукоемкие технологии: Регион. прилож.* 2010. № 3. С. 8-13.
2. *Аксельрод К.* Сибстрим. Города будущего на линии 2100 // *Городское управление.* 2008. № 6. С. 53-61.
3. *Алексеев А.И., Зубаревич Н.В.* Кризис урбанизации: формирование нового образа жизни // *Проблемы прогнозирования.* 2000. № 4. С. 138-146.
4. *Балацкий Е.В., Гусев А.Б., Саакянц К.М.* Пределы роста мегаполисов // *Пространственная экономика,* 2006. № 4. С. 34-58.

Мартьянов В.С., Руденко В.Н. Российские мегаполисы:
от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций

5. Балацкий Е.В., Гусев А.Б. Синдром столичного мегаполиса в российском экономическом пространстве // *Пространственная экономика*. 2007. № 4. С. 5-25.
6. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
7. Занятость и безработица в Российской Федерации в мае 2012 года (по итогам обследования населения по проблемам занятости) / Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d03/133.htm (проверено 28.06.2012 г.).
8. Зубаревич Н. Агломерационный эффект или административный угар? // *Рос. экспертное обозрение*. 2007. № 4-5. С. 11-13.
9. Иноземцев В. Воссоздание индустриального мира // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 6. С. 85-98.
10. Киселев К.В. Территория Европы. Смогут ли российские регионы перестать быть провинцией? // *Полит. журн.* 2006. № 23(118), 23 июня. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=113&tek=5891&issue=166> (проверено 28.06.2012 г.).
11. Коллинз Р. Технологический сдвиг и капиталистические кризисы: выходы и тупики // *Прогнозис*. 2009. № 2. С. 196-209.
12. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: www.ifar.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf (проверено 28.06.2012 г.).
13. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI, 2006. 400 с.
14. Мартьянов В.С. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная перспектива? // *Логос*. 2008. № 1(64). С. 32-47.
15. Мкртчян Н.В. Безлюдные пространства // *НГ-сценарии*. 24 мая 2011 года. URL: http://www.ng.ru/scenario/2011-05-24/15_mobility.html (проверено 28.06.2012 г.).
16. Панкевич Н.В. Диспропорции регионального развития РФ: проблема без решения? // *Полит. наука*. 2009. № 2. С. 35-49.
17. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // *ОНС: Обществ. науки и современность*. 2001. № 6. С. 101-113.
18. Руденко В.Н. Новые Афины, или Электронная республика (О перспективах развития прямой демократии в современном обществе) // *ПОЛИС: Полит. исслед.* 2006. № 4. С. 7-16.
19. Турсукова И.И. Безработица моногородов Челябинской области: взгляд изнутри // *Экономическая наука и практика*. Чита: Молодой ученый, 2012. С. 176-179.
20. Фан И.Б. Гражданин в контексте города: исторический смысл понятия // *Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук*. 2003. Вып. 4. С. 112-137.
21. Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. 432 с.
22. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2009 г. / Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_109/Main.htm (проверено 28.06.2012 г.).
23. Unemployment statistics / European commission. Eurostat. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Unemployment_statistics (проверено 28.06.2012 г.).
24. World Urbanization Prospects. The 2009 Revision. URL: <http://esa.un.org/unpd/wup/index.htm> (проверено 28.06.2012 г.).

Материал поступил в редколлегию 28.06.2012 г.

**RUSSIAN MEGAPOLISES: FROM INDUSTRIAL CENTERS
TOWARDS STRATEGY
OF MULTIFUNCTIONAL AGGLOMERATION**

Victor S. Martyanov, Candidate of Political Science, associate professor, Scientific Secretary, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: martianovy@rambler.ru

Victor N. Rudenko, Doctor of Law, full professor, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: rudenko@instlaw.uran.ru

Abstract: the article analyses specific features and results of Soviet and Russian industrialization in a comparison with dominating world trends. In addition, the possible ways of post-soviet transformation of Russian megacities are examined. The particular emphasis is put on the analyses of today's situation. The article provides arguments in favor of the strategy of cohesion of large cities with satellite towns. The authors stress that the improvement of the weaknesses of the Russian cities conditioned by Soviet path of development is connected with the transformation of industrial centers into multifunctional agglomeration. The periphery of such agglomeration is able to become a place of enhanced development that will help to balance quality of life in city cores and suburbs, as well as it will promote infrastructural de-concentration and shifting resources to the most disadvantaged urban spaces. As a result, the network of Russian megacities will transform into geographically extended centre attracting resources from the world system and stimulating the growth and modernization of Russia.

Keywords: megapolis, mono-town, urbanization, agglomeration, diversification, urban network, urban development strategy.